Никита Казачков

Контур Ксо-Лан

Никита Казачков
Контур Ксо-Лан

https://litres.ru/74657572
SelfPub; 2026

Аннотация

Цивилизация Ксо-Лан безупречна. Их прагматичный разум не знает страха, города представляют собой циклопические титановые шпили, а корабли хищного спортивного дизайна лишены внешних швов и заклепок. Веками они подчиняли себе Низкочастотный Сектор, уверенные в незыблемости Доктрины Предела и пассивности незримой Оболочки, запирающей их космос.

Но вселенная обладает волновой памятью.

Агрессивное выкачивание энергии из планетных ядер запускает необратимый маховик Спектральной Коагуляции. Вакуум стремительно густеет, превращаясь в вязкую хрустальную ловушку, корабли буквально вязнут в пространстве, а Стена Бога делает сокрушительный шаг внутрь системы, беззвучно стирая орбитальные верфи. Ученые Особого Проектирования выводят страшное Уравнение Вины: именно их технологический триумф стал катализатором замерзания родины.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. СЛОВО АВТОРА 4
АРКА I. СЛЕПАЯ ЭПОХА И ГРАВИТАЦИОННЫЙ ТУПИК 6
ГЛАВЫ 2: «РАСЧЕТЫ ГРАВИТАЦИОННОГО ТУПИКА» 28
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Никита Казачков
Контур Ксо-Лан

ПРЕДИСЛОВИЕ. СЛОВО АВТОРА

Эта книга родилась из одной простой и пугающей мысли: что, если наш комфорт, наш непрерывный технологический рост и само наше стремление к безопасности являются главным триггером, уничтожающим мир вокруг нас?

Хроника «Контур Ксо-Лан» — это не просто история о космическом путешествии или гибели далекой звездной системы. Это прагматичный, лишенный сантиментов взгляд на цивилизацию, которая была слишком совершенна, слишком уверена в безупречности своих расчетов и слишком слепа в своем индустриальном триумфе. Создавая Авангард Ксо-Лан, я хотел показать расу, свободную от привычных человеческих слабостей, паники и метафизических страхов. Расу инженеров, которая встречает апокалипсис не с криком ужаса, а с кремниевой Пластиной Ценза в руках, хладнокровно вычисляя коэффициенты собственного Рока.

Мир Низкочастотного Сектора, замерзающий вакуум Великого Занавеса, Бесшовный Дизайн и брутальная монументальность титановых шпилей — все это элементы строгой экосистемы, где физика и эстетика неотделимы друг от дру-

га. Здесь каждый глайдер спортивного силуэта, каждая латунная форсунка маршевого инжектора и каждая аквамариновая линия спектральной энергии несут в себе тактильную, осязаемую тяжесть. Мне хотелось, чтобы вы физически почувствовали, как густеет пространство между планетами и как каменеет пустота перед носовым обтекателем «Скаут-Вектора».

Уравнение Вины сведено, и первый шаг во внешний макрокосмос сделан. Позади остался замерзший хрустальный кристалл Эмиссии-Н. Впереди — бесконечная, чужеродная пустота неизведанных частотных шкал. Добро пожаловать на борт корабля Исхода. Наше погружение в Великий Занавес только начинается.

АРКА I. СЛЕПАЯ ЭПОХА И ГРАВИТАЦИОННЫЙ ТУПИК
ГЛАВА 1: ДОКТРИНА ПРЕДЕЛА

Сцена 1: Архитектура Авангарда.

Хребет Ксо-Лариса не знал полутонов. Острые, как бритвенные лезвия, гранитные пики врезались в блекло-лиловое небо планеты-метрополии, разделяя пространство на зоны абсолютного света и монолитной, чернильной тьмы. Жесткая физика Низкочастотного Сектора словно вычитала из местной природы любую хаотичность: даже тени, падавшие от скальных уступов на чашу горной долины, ложились на породу ровными, геометрически выверенными пластами. В этой системе свет не рассеивался — он подчинялся массе, словно придавленный к базальтовому основанию планеты колоссальной гравитационной силой ядра. Цивилизация Ксо-Лан строила свои города там, где геологические пласты были максимально стабильны, превращая дикие скалы в монументальные памятники прагматичного разума.

Инженерный комплекс «Ось-4» казался естественным продолжением этого тектонического рельефа. Угловато-обтекаемые башни-друзы, спроектированные Консорциумом Массы, уходили шпилями в разреженную стратосферу. В их архитектуре сквозила эстетика стремительного футуристи-

ческого авангарда — хищные, агрессивные скосы фасадов напоминались замершие на старте спортивные концепт-кары, готовые сорваться с места. Строения тянулись вверх не ради экономии земли, а для преодоления приземного слоя тяжелых изотопных газов, скапливающихся в низинах. Каждая башня представляла собой замкнутую экосистему, способную веками функционировать в автономном режиме.

Здесь полностью отсутствовал привычный для грубых индустриальных рас визуальный шум. Никаких внешних швов, грубых заклепок, выступающих болтов или сварных рубцов, которые могли бы нарушить аэродинамическое совершенство линий. Панели из монолитного матового титана крепились на скрытых внутренних узлах и пазах. Эта бесшовная монолитность не была прихотью архитекторов — в условиях, когда изотопные бури Эмиссии-Н могли за несколько циклов разъесть любой открытый стык, скрытая инженерия оставалась единственным гарантом прочности. Поверхность титана прошла через вакуумную полировку, из-за чего металл казался бархатистым на ощупь, поглощая излишки жесткого излучения центрального светила.

Единственным элементом, нарушающим строгую матовость металла, были аквамариновые неоновые линии спектральной энергии. Тонкие, не толще пальца, они пронизывали фасады зданий, очерчивая их сложную геометрию и пульсируя в такт работе подземных квантовых накопителей. Эти жилы распределения массы не просто питали комплекс

— они создавали локальное стабилизирующее поле, гасящее сейсмические колебания коры Ксо-Ларисы. В местах, где эти лазурные нити врезались в титан, тени казались неестественно глубокими, осязаемыми, словно сама ткань пространства вокруг них становилась плотнее.

Внутри центрального сектора калибровки царила функциональная тишина, нарушаемая лишь едва слышным низкочастотным гулом силовых реле. Пятеро инженеров-проектировщиков Авангарда замерли над обзорной платформой, встроенной прямо в монолитный пол зала. Атлетически сложенные, с безупречной, почти военной осанкой, они двигались с пугающей экономностью. На их плотной матовой коже грифельного оттенка не было ни единого изъяна — эволюция в мире жесткой физики отсекла всё лишнее. Анатомически Ксо-Лан были полностью лишены спектральной восприимчивости, то, что в других секторах макрокосма примитивные расы называли волновой магией, здесь было пустой абстракцией. У них не было органов, способных улавливать высшие вибрации Спектра, но эта слепота компенсировалась запредельной физической стойкостью. Их плотные кости, укрепленные тяжелыми минеральными соединениями, и жесткие мышечные волокна были созданы для того, чтобы безболезненно выдерживать чудовищные гравитационные перегрузки, которые мгновенно разорвали бы любое органическое существо из мягких миров.

На инженерах были облегающие бесшовные комбинезо-

ны пилотов. Интегрированные в ткань микро-контуры терморегуляции едва заметно мерцали тусклым лазурным светом, компенсируя ледяной сквозняк, тянувшийся из шлюзовых отсеков нижней верфи. Ткань комбинезонов, созданная из прессованного фотонного волокна, сидела как вторая кожа, не сковывая движений и защищая тела от жесткого радиационного фона, который просачивался сквозь смотровые экраны во время солнечных вспышек. На Ксо-Лан не было украшений, знаков отличия или декоративных элементов — прагматичный разум расы инженеров признавал лишь тактическую целесообразность. Даже их одежда была частью их рабочего инструментария.

Их общение состояло из коротких, лишенных эмоциональной окраски терминов. Для Ксо-Лан не существовало понятий «интуиция», «вдохновение» или «высшее откровение». Мир вокруг них был оцифрован, изверен и заперт в строгие математические формулы Консорциума Массы. Если явление нельзя было разложить на составляющие частоты, замерить его вес или просчитать вектор его движения, оно попросту исключалось из научной картины бытия. Эта ментальная жесткость веками служила им щитом, позволяя строить циклопические города и покорять ближний космос без оглядки на сомнения, свойственные более хрупким видам.

Один из инженеров провел ладонью над матовой поверхностью кремниевой Пластины Цензa. Устройство, лишенное

внешних кнопок или видимых разъемов, отозвалось мгновенно: над обзорной платформой развернулась детальная трехмерная проекция скоростного стелс-перехватчика новой серии. Это был хищный, угловато-обтекаемый силуэт, в геометрии которого угадывалось влияние спортивного аэродинамического дизайна. Все маршевые инжекторы и квантовые приводы были скрыты глубоко внутри корпуса, защищенные монолитными плитами обшивки. На чертеже не было видно ни одной заклепки — только идеально подогнанные грани композитных материалов, переливающиеся в искусственном свете зала.

— Навигационные волноводы третьего эшелона синхронизированы, — произнес инженер. Его голос прозвучал сухо, с металлическим металлическим оттенком, словно сработал четко откалиброванный датчик давления. — Частотный отклик маршевых накопителей в пределах нормы. Внутренние параметры Низкочастотного Сектора системы Эмиссия-Н стабильны во всех измеряемых точках. Коридор для испытаний «Вектора-Ноль» подготовлен.

Старший проектировщик Консорциума, чье лицо пересекал старый шрам от термического ожога — единственное свидетельство его работы на орбитальных верфях в эпоху ранней экспансии, — не повернул головы. Он продолжал изучать глобальный координатный ценз системы. Вокруг центрального светила вращались четыре индустриально освоенные планеты, опутанные плотными кольцами ав-

томатизированных орбитальных доков. Это была замкнутая, идеально сбалансированная система, где каждый грамм материи знал свое место и двигался по строго предписанной траектории. Ксо-Лан гордились тем, что смогли превратить хаос дикого космоса в предсказуемый, работающий без сбоев механизм.

Однако на самом краю его Пластины Ценза, там, где стабильные графики физических величин обрывались и уходили в бесконечную математическую погрешность, горела ровная, неподвижная багровая линия. Она кольцом охватывала всю систему Эмиссия-Н, обозначая границу, за которой привычные законы природы теряли свою силу. Стена Бога.

Для цивилизации Ксо-Лан эта незримая, но сверхплотная Оболочка на окраинах веками оставалась незыблемой константой, абсолютным физическим тупиком. Научные институты давно сформулировали официальную доктрину: за этой чертой материального космоса не существует, там простирается лишь первородное ничто, лишенное массы и частоты. Ксо-Лан не испытывали перед Оболочкой мистического страха или религиозного трепета; для них она была естественным краем вселенной, гравитационной границей, аккуратно очерчивающей их жизненное пространство. Они строили свои теоретические модели «гравитационного тупика», будучи абсолютно уверенными, что Стена Бога статична, неизменна и вечна, как и сам Консорциум Массы.

— Телеметрия пограничных маркеров обновлена, — до-

бавил оператор, смещая фокус проекции к тридцать второму внешнему сектору. — Сонарные станции фиксируют стандартное эхо-отражение. Плотность барьера на периферии стабильна. Отклонения от расчетной матрицы отсутствуют.

— Подтверждаю готовность, — отозвался старший проектировщик, и его ладонь тяжело опустилась на управляющий контур платформы. — Синхронизировать Пластины Ценза с орбитальным доком «Эмиссия-Альфа». Автоматика должна начать обратный отсчет для «Вектора-Ноль» без задержек. Консорциум требует чистых результатов. Нам нужны графики деформации массы на дистанции в сорок астрономических единиц.

В зале калибровки на мгновение изменился тон неонового освещения. Аквамариновые линии на стенах на секунду вспыхнули ярче, заставив тени под потолочными перекрытиями дрогнуть, а затем снова вернулись к своему привычному, строгому ритму пульсации. Этот короткий импульс означал, что колоссальный объем данных был мгновенно передан через квантовые ретрансляторы на темную сторону луны Ксо-Ларисы, где на стапелях уже замер экспериментальный стелс-разведчик. Цивилизация инженеров работала без осечек: команды транслировались со скоростью мысли, а исполнительные механизмы на орбите подчинялись тем же сухим математическим законам, что и симуляции в конструкторских бюро.

Младший оператор, чьи пальцы непрерывно скользили по

вспомогательному интерфейсу, на секунду замер. Его матовые надбровные дуги едва заметно сдвинулись к переносице. На его персональном экране, транслирующем данные с самых дальних сонарных станций слежения, проскочила странная волна. Это не было техническим сбоем — кремниевые процессоры Ксо-Лан не знали ошибок вычислений. Строгая, идеально прямая линия, описывающая плотность Оболочки в секторе «Край-9», на долю секунды выдала едва заметную шероховатость, словно невидимая Стена Бога рефлекторно сжалась, отреагировав на усиление активности квантовых верфей в ядре системы.

— Фиксирую микроскопическое колебание фонового шума в тридцать втором секторе, — доложил он, не меняя ровного, монотонного тона. — Амплитуда — ноль целых, три десятитысячных частотной единицы. Направление вектора — внутрь системы.

Старший инженер даже не повернулся к его терминалу. Прагматичный, выверенный веками опыт Консорциума Массы учил, что любые минимальные отклонения на таких расстояниях — это лишь изотопный дрейф или следствие гравитационного эха от проходящих мимо грузовых барж. Во вселенной жесткой физики не было места аномалиям, которые нельзя было бы списать на погрешность измерительных приборов старого поколения.

— Спиши на остаточное возмущение от выработки изотопных шахт Ксо-Ларисы, — отрезал старший. — Простран-

ство статично. Стена Бога не может двигаться, у нее нет массы для самостоятельного смещения. Запусти калибровку фильтров и возвращайся к контролю «Вектора-Ноль». Время до старта — сто двадцать секунд.

Оператор коротко кивнул. Его пальцы послушно стерли колеблющуюся кривую с Пластины Ценза, вернув экран к безупречному, идеально ровному навигационному графику. Напряжение, возникшее в воздухе на долю секунды, рассеялось, поглощенное бесстрастной тишиной зала. Ксо-Лан были слишком уверены в незыблемости своего частотного кокона, чтобы обращать внимание на шепот на окраинах вселенной. Они закрыли глаза на первый, едва заметный вдох Оболочки, которая уже готовилась сделать свой первый роковой шаг навстречу их цивилизации.

Голографическая проекция стелс-перехватчика над платформой окончательно погасла. Сцена в инженерном комплексе «Ось-4» была завершена, оставив инженеров в состоянии абсолютной, но слепой технологической триумфальности. Хроника экспансии Ксо-Лан сделала свой первый шаг.

Сцена 2: Испытание «Вектора-Ноль».

Автоматизированный орбитальный док «Эмиссия-Альфа» парил в вечной тени луны Ксо-Ларисы. Это циклопическое сооружение Консорциума Массы подавляло своими масштабами: его конструктивные элементы обладали укрупненной, гипертрофированной геометрией, свойственной монументальному стилю Авангарда. Огромные несущие фер-

мы, широкие удерживающие зажимы и массивные внешние плоскости дока были выкованы из монолитного матового титана. Ни одного выступающего болта, ни единого внешнего шва или монтажного рубца не нарушало безупречную чистоту этих гигантских поверхностей — все крепежные узлы и гидравлические приводы были скрыты с внутренней стороны обшивки, защищенные от разрушительного воздействия космического вакуума и жесткого излучения.

В самом сердце этого титанового кольца, удерживаемый магнитными захватами, покоился экспериментальный беспилотный разведчик «Вектор-Ноль». Его хищный, угловато-обтекаемый силуэт напоминал замершего в прыжке глубоководного хищника. В отличие от стандартных судов Консорциума, элементы корпуса этого корабля были выполнены из слоистого глубинного шпата — композитного материала, обладавшего запредельной устойчивостью к гравитационным перегрузкам и частотным колебаниям среды. Слоистая структура шпата поглощала любые радарные всплески, делая разведчик абсолютно невидимым для систем слежения волнового спектра. Носовая часть корабля представляла собой монолитный, стремительный обтекатель, под бесшовными панелями которого скрывались измерительные приборы нового поколения и квантовые накопители.

Вокруг разведчика не было живых существ. Ксо-Лан доверяли автоматике, работающей на строгих математических алгоритмах. Циклопические сопла «Вектора-Ноль», обра-

щенные в сторону открытого космоса, казались бездонными черными кратерами, способными поглотить целые планетные ядра. Внутри этих сопел, глубоко под броней, находились латунные инжекторы массы, готовые впрыснуть изотопное топливо в камеру сгорания по первому сигналу из центра калибровки «Ось-4».

Таймер обратного отсчета, транслируемый на обзорные экраны автоматического дока, приближался к нулевой отметке. Пространство вокруг корабля казалось застывшим, скованным ледяной пустотой низкочастотного сектора. На Пластинах Ценза в доке зажглись последние зеленые маркеры подтверждения. Все системы работали как единый, безупречно отлаженный хронометр.

За тридцать секунд до старта монолитный корпус «Вектора-Ноль» ожил. Вдоль его обтекаемых граней, прорезая матовую текстуру глубинного шпата, вспыхнули строгие контурные линии спектральной энергии. Насыщенный аквамариновый свет прошил темноту дока, подчеркивая агрессивную геометрию судна. Это неоновое сияние было настолько плотным, что тени, падавшие от удерживающих зажимов верфи на обшивку корабля, казались физически осязаемыми, глубокими пластами тьмы. Квантовые приводы вышли на рабочую частоту, наполнив тишину вакуума беззвучным, но ощутимым мышечными волокнами Ксо-Лан гравитационным импульсом. Корабль был готов сделать свой первый шаг в сторону невидимого Предела.

Когда на таймерах автоматического дока обнулилась последняя секунда, «Вектор-Ноль» не сдвинулся с места с привычной для старых кораблей плавностью. Он буквально сорвался в пространстве. Беззвучный, страшный по своей разрушительной силе тепловой импульс вырвался из монументальных сопел разведчика. Аквамариновое неоновое пламя, зажатое в жесткие титановые контуры маршевых инжекторов, ударило в пустоту, озарив темную сторону луны Ксо-Ларисы ослепительной спектральной вспышкой. Излучение было настолько плотным, что автоматические заслонки дока «Эмиссия-Альфа» рефлекторно перекрыли смотровые узлы, защищая внутренние кремниевые матрицы от выгорания.

Магнитные захваты верфи разомкнулись за долю мгновения до того, как гравитационная волна от двигателей судна деформировала бы их бесшовные крепления. «Вектор-Ноль» ушел в слепую темноту низкочастотного сектора, оставляя за собой лишь стремительно тающий, идеально ровный лазурный след ионизированных изотопов. Его скорость росла по экспоненте, ломая привычные графики навигационных симуляций. Скрытые внутренние квантовые накопители работали на пределе своей математической мощности, выдавая колоссальные импульсы сжатия массы перед носовым обтекателем судна.

На высокогорном комплексе «Ось-4» инженеры Авангарда Ксо-Лан наблюдали за этим броском через Пластины Ценза. На экранах калибровки полет разведчика отражался в

виде тонкой, хищной стрелы, стремительно прошивающей координатную сетку системы Эмиссия-Н. Скорость набора массы и перегрузки, зафиксированные приборами на борту «Вектора-Ноль», уже превысили отметку в восемьдесят единиц. Для любого иного органического вида такие показатели означали бы мгновенную коагуляцию биологических жидкостей и разрушение скелета. Но прагматичные Ксо-Лан лишь фиксировали цифры на кремниевых накопителях с полным ментальным спокойствием: их атлетичные тела и тяжелые, укрепленные минералами кости были анатомически созданы для таких нагрузок. Для них это был не подвиг, а сухой расчет тактической целесообразности.

— Скорость — девять десятых от расчетного предела жесткой физики, — монотонно доложил младший оператор, чьи пальцы скользили по гладкой поверхности управляющего пульта. — Бесшовный корпус из глубинного шпата удерживает структурную целостность. Внутренняя терморегуляция комбинезона и приборных отсеков компенсирует нагрев от трения о микрочастицы вакуума. Навигационный коридор чист.

Старший проектировщик Консорциума Массы утвердительно качнул головой. По его расчетам, «Вектор-Ноль» должен был достичь тридцать второго внешнего сектора — границы, известной как координатная точка «Край-9», — всего за несколько минут. Вся раса инженеров, следившая за экспериментом через глобальные инфо-сети, ожидала триумфа

своей науки. Корабль спортивного, стремительного дизайна шел к Стена Бога на такой скорости, с какой ее еще никто и никогда не прощупывал. Это был абсолютный пик индустриального могущества Авангарда, и ни один прибор в комплексе «Ось-4» пока не мог предсказать, что этот безупречный полет оборвется глухим, не поддающимся никакой логике ударом о невидимую твердь.

Стрела на Пластинах Ценза пересекла тридцать первую орбитальную параллель. Разведчик вошел в пограничную зону, где плотность вакуума начала необъяснимо меняться. Вектор движения «Вектора-Ноль» оставался идеально прямым, но датчики сопротивления массы на его носовом обтекателе стали выдавать аномальные значения. Окружающая среда, до этого момента казавшаяся пустой и покорной законам жесткой физики Ксо-Лан, стала стремительно густеть, словно превращаясь в невидимый жидкий мономер.

В зале калибровки комплекса «Ось-4» воцарилась мертвая тишина. Сухие цифры на экранах больше не укладывались в стандартные графики симуляций. Запредельная кинетическая энергия корабля спортивного дизайна начала гаснуть, поглощаемая пространством без остатка. Квантовые приводы судна увеличили подачу изотопного топлива до критического максимума. Из монументальных сопел на периферии системы вырвался колоссальный аквамариновый факел, но скорость разведчика продолжала неуклонно падать, словно его бесшовный корпус из глубинного шпата уря-

зал в колоссальной толще невидимого хрусталя.

— Внимание, фиксирую критическое нарастание плотности среды в точке «Край-9», — монотонно произнес младший оператор, но на этот раз его пальцы двигались по кремниевой панели заметно быстрее. — Давление массы на носовой обтекатель превысило расчетные лимиты Консорциума в четыре раза. Внешние слои Оболочки не пропускают квантовые лучи навигационных волноводов. Сигнал искажается.

Старший проектировщик сделал шаг вперед, вплотную подойдя к обзорной платформе. На его матовом лице не дрогнул ни один мускул, но прагматичный разум инженера уже лихорадочно искал логическое объяснение происходящему. Световые индикаторы на Пластинах Цензa сменили лазурный тон на тревожный, глубокий патиновый оттенок. Вспышки на границе экрана стали плотными и рваными. Незримая Стена Бога, которую цивилизация Ксо-Лан веками считала лишь пассивным математическим краем материальной вселенной, проявила себя. Она поглощала направленный импульс разведчика, как губка, и рефлекторно уплотнялась в точке контакта.

На экранах калибровки появилось последнее изображение с бортовых камер «Вектора-Ноль» до того, как его телеметрия окончательно превратилась в хаос. Перед бесшовным носом корабля, прямо посреди вечной темноты вакуума, из ничего соткалось колоссальное, блекло-лиловое неоновое сияние. Оно не имело четких физических границ, но

его геометрия была плотной, осязаемой. Оболочка системы Эмиссия-Н на мгновение стала видимой, отразив аквамариновое пламя двигателей разведчика мертвым, патиновым зеркальным сполохом.

А затем наступила абсолютная пустота. Хищная стрела на Пластинах Цензa просто растаяла. Разведчик «Вектор-Ноль» не взорвался и не развалился на части под воздействием перегрузок — его контуры массы и энергетический след были мгновенно стерты, словно Оболочка рефлекторно вычеркнула чужеродный объект из своей частотной матрицы, заперев его в бесконечном слепом дрейфе. Связь оборвалась.

— Сигнал потерян, — сухо констатировал оператор, гася аварийные датчики. — Координатный сектор «Край-9» заблокирован. Эхо-ответ отсутствует.

Старший проектировщик медленно перевел взгляд на глобальную карту системы. Ему не нужны были эмоции, чтобы осознать масштаб катастрофы. Его прагматичный ум зафиксировал главное: Стена Бога ответила на удар. И этот ответ навсегда закрыл для Ксо-Лан привычные навигационные коридоры. Хроника их слепой эпохи подошла к концу, уступая место первому, леденящему дыханию Коагуляции.

Сцена 3: Слепой дрейф зонда.

Главный аналитический зал Совета Консорциума Массы располагался на верхних ярусах Башни Веса — самого высокого угловато-обтекаемого небоскреба планеты-метропо-

лии. Из гигантских монументальных окон, лишенных перекрытий и рам, открывался безупречный панорамный вид на геометрический индустриальный пейзаж Ксо-Ларисы. Далеко внизу, словно вычерченные по единой линейке, уходили за горизонт безупречные кварталы бесшовных титановых строений. Между ними на строго фиксированной высоте курсировали стремительные спортивные глайдеры гражданских сословий. Их обтекаемые корпуса двигались по невидимым навигационным коридорам без малейших отклонений. Но в самом зале заседаний привычный лазурный свет сменился глубокими, патиновыми контурными огнями — признак экстренной мобилизации высшего инженерного ценза расы.

Интерьер зала воплощал в себе философию скрытой инженерии. Стены и пол были отлиты из темного матового композита, полностью поглощавшего внешние шумы. Никаких декоративных панелей, стыковочных швов или крепежных узлов: пространство казалось выдолбленным внутри единого монолитного кристалла сверхплотной породы. В центре зала, над циклопической обзорной платформой, вращалась колоссальная голографическая модель системы Эмиссия-Н. Сюда стекались данные со всех квантовых верфей, орбитальных доков и изотопных шахт метрополии.

Вокруг платформы замерли двенадцать высших чинов Консорциума Массы и ведущих академиков Института Направленного Изучения. Их атлетические фигуры в облегаю-

щих бесшовных комбинезонах казались неподвижными изваяниями из грифельного базальта. Плотная матовая кожа Ксо-Лан тускло поблескивала в патиновых лучах подсветки. Лица выражали абсолютную, хирургическую прагматику разума. Для этих существ потеря экспериментального разведчика «Вектор-Ноль» не была трагедией — она была критической погрешностью в фундаментальных расчетах, которую требовалось немедленно локализовать, оцифровать и устранить.

На Пластинах Ценза, зажатых в руках исследователей, непрерывно сменяли друг друга графики деформации массы и телеметрии последних секунд полета корабля. Данные сонаров из тридцать второго внешнего сектора были закольцованы.

— Потеря массы объекта «Вектор-Ноль» не зафиксирована как термический распад или механическое разрушение, — сухо произнес глава Института, чьи пальцы активировали пошаговый разбор частотного эха. Его металлический голос заполнил тишину зала. — Приборы показывают одномоментное обнуление кинетического потенциала. Пространство в точке «Край-9» не просто оказало сопротивление. Оно впитало импульс маршевых инжекторов, переведя низкие частоты разведчика в статичное состояние. Физика сектора заблокирована.

— Спектральная плотность Оболочки в точке контакта возросла на две сотых процента, — добавил академик, сме-

щая графики на Пластинах Ценза. — И это уплотнение удерживается. Стена Бога не просто вернула импульс обратно, она зафиксировала его, изменив свою локальную конфигурацию. Мы столкнулись с феноменом инерционной памяти среды.

Один из руководителей Консорциума Массы — координатор оборонного и промышленного секторов — тяжело опустился на монолитный титановый выступ у края платформы. Его облегающий бесшовный комбинезон тихо зашуршал, когда контуры терморегуляции подстроились под изменившуюся температуру зала. Прагматичный ум чиновника мгновенно перевел научные выводы на язык тактической целесообразности и стабильности производства.

— Каковы прямые риски для внутренних планет? — спросил координатор. Его сухой голос отрывисто чеканил слова. — Квантовые верфи луны Ксо-Ларисы сейчас работают на историческом максимуме. Мы выкачиваем низкие частоты из ядра системы для обеспечения работы автоматизированных орбитальных доков. Консорциуму нужна бесперебойная логистика. Нам не нужен сектор, который вязнет в расчетах и симуляциях.

— Если Оболочка способна аккумулировать и поглощать направленную энергию, — академик вывел на обзорный экран трехмерную проекцию системы Эмиссия-Н, — то любое наше частотное воздействие на периферии будет приводить к её уплотнению. Молодые исследовательские группы

уже выдвигают радикальную математическую модель. Они называют это гравитационным тупиком.

Ученый сделал паузу, калибруя Пластину Ценза. На голограмме кольцо вокруг системы едва заметно сдвинулось внутрь, окрашивая внешние тридцать два сектора в плотный, блекло-лиловый цвет.

— Модель предполагает, что Оболочка не является пассивной пустотой или бесконечной пространственной стеной. Это переходящий слой Спектра, который реагирует на нашу индустриальную активность. Выкачивание низких частот из ядра и одновременная бомбардировка периметра квантовыми волноводами могут запустить цепную реакцию. Пространство вокруг нас начнет густеть, сжимая физические границы обитаемых миров.

В аналитическом зале воцарилась тяжелая, осязаемая тишина. Это было не эмоциональное оцепенение, а плотная фаза коллективного вычисления. Раса инженеров, привыкшая укрощать любые физические законы математикой и скрытой инженерией, впервые уперлась в расчеты, где главным источником угрозы для стабильности системы оказывался их собственный колоссальный прогресс.

Координатор Консорциума Массы медленно поднялся. Его атлетический силуэт четко обрисовался на фоне монументального окна Башни Веса. Лазурные огни гражданских глайдеров внизу казались бесконечной, идеально отлаженной цепочкой светящихся точек. Внутренний мир системы

Эмиссия-Н функционировал безупречно, и нарушать этот баланс из-за гипотетических моделей ученых Консорциум не собирался. Прагматика управления требовала жестких, статичных констант.

— Выводы Института преждевременны и вносят недопустимую погрешность в социальный ценз расы, — отрезал координатор. — Авангард Ксо-Лан не может развиваться в условиях неопределенности. Если мы признаем, что наше производство уплотняет космос, мы парализуем квантовые верфи. Консорциум этого не допустит.

Он провел ладонью по Пластине Ценза, отправляя директиву на все уровни исполнительной автоматики.

— Инцидент с объектом «Вектор-Ноль» классифицировать как навигационный сбой измерительных приборов старого поколения. Координатную сетку «Край-9» закрыть для сквозных полетов, списав это на локальный изотопный шторм. С этого цикла вступает в силу официальная Доктрина Предела.

Координатор вывел на центральную платформу итоговый манифест. Текст, состоящий из сухих, математически выверенных формулировок, зафиксировал новую реальность цивилизации.

— Отныне Оболочка на окраинах провозглашается абсолютным, незыблемым и окончательным тупиком материального мира. За ней нет и не может быть физического пространства, массы или энергии. Любые попытки зондирова-

ния Стены Бога или запуска исследовательских капсул за периметр тридцать первого сектора замораживаются. Наша наука достигла пика. Мы сосредоточим все ресурсы на индустриальном освоении внутренних планет и выкачивании низких частот. Это математическая константа. Вопрос закрыт.

Академики Института Направленного Изучения бесстрастно склонили головы. В их прагматичной логике субординация и тактическая целесообразность Консорциума стояли выше теоретических гипотез. Они послушно стерли колеблющиеся графики со своих кремниевых экранов.

Голограмма системы Эмиссия-Н над платформой плавно погасла, погрузив зал в строгий, ровный полумрак патиновой подсветки. Доктрина Предела была принята единогласно. Раса инженеров добровольно заперла себя внутри частотного кокона, выбрав комфортную стабильность вместо пугающего поиска ответов. Они временно ликвидировали научную нестыковку, превратив Оболочку в священную Стену Бога, и вернулись к калибровке своих спортивных стелскораблей. Цивилизация Ксо-Лан заснула на пике своего могущества, совершенно не осознавая, что запущенный ими невидимый маховик Спектральной Коагуляции уже сделал свой первый беззвучный оборот, и пространство вокруг их монолитных башен начало медленно, но необратимо густеть.

ГЛАВЫ 2: «РАСЧЕТЫ ГРАВИТАЦИОННОГО ТУПИКА»

Сцена 1. Подпольный Ценз (Скрытые искажения)

Семьдесят циклов, прошедших с момента провозглашения Доктрины Предела, превратили систему Эмиссия-Н в безупречно отлаженный, раскаленный докрасна индустриальный конвейер. Квантовые верфи луны Ксо-Ларисы больше не знали периодов технологического затишья. Они работали на историческом пределе своей математической мощности, выкачивая низкие частоты Спектра из планетарных ядер с прожорливостью циклопических насосов. Навигационные коридоры между четырьмя внутренними мирами были забиты тяжелыми грузовыми баржами Консорциума Массы, чьи монолитные титановые корпуса без единого внешнего шва доставляли миллионы тонн изотопной руды в орбитальные плавильные доки.

Автоматизированная станция мониторинга «Вектор-Магма-9» дрейфовала на самой периферии этой промышленной империи, зацепившись магнитными якорями за базальтовый хребет безымянного, мертвого спутника дальней планеты. Здесь, на окраине тридцать первого сектора, брутальная эстетика Авангарда представала в своем первозданном, утилитарном виде. Конструкция станции, выполненная из

тусклой патиновой латуни и пластин слоистого глубинного шпата, полностью исключала визуальный шум. Вся сложнейшая поршневая и гидравлическая инженерия была упрятана внутрь бесшовного корпуса, защищенная от ледяного дыхания вакуума.

Снаружи комплекс казался частью мертвого ландшафта, если бы не блеклое патиновое свечение контурных линий неонового спектра, которые строгими геометрическими скосами прорезали латунные плоскости. Эти огни не рассеивали тьму, а лишь подчеркивали плотность окружающего вакуума, ложась на базальтовые скалы осязаемыми пластами глубоких чернильных теней. Низкочастотная физика сектора выдавливала из пространства любые полутона: свет оставался жестким, направленным и тяжелым.

Внутри технического отсека станции, зажатого между квантовыми ретрансляторами и шахтой сонарных волноводов, царил глубокий холод. Два младших аналитика-инженера из касты обслуживания завершали плановый ценз оборудования. На них были стандартные облегающие комбинезоны пилотов из фотонного волокна. Их встроенные контуры терморегуляции работали на повышенной мощности, едва заметно пульсируя лазурными нитями вдоль позвоночников, чтобы защитить плотные, тяжелые тела Ксо-Лан от пронизывающего холода, сочившейся от неизолированных латунных инжекторов. Передвигаясь с пугающей экономностью движений, инженеры извлекали из приемных гнезд отработан-

ные изотопные фильтры, заполненные густым, застывшим конденсатом Спектра. Их прагматичный разум был сосредоточен исключительно на выполнении регламента Консорциума. Они были идеальными деталями государственной машины, глухими к любым абстрактным сомнениям, пока сухие цифры на их калибровочных экранах не выдали первую системную нестыковку.

Один из инженеров, чья матовая кожа грифельного оттенка казалась совершенно серой в тусклом патиновом свете отсека, зафиксировал тяжелый латунный инжектор на калибровочном стенде. Его пальцы, лишенные каких-либо биологических изъянов, привычно скользили по гладкой поверхности кремниевой Пластины Ценза. Прибор, сопряженный со скрытыми внутренними узлами сонарного волновода глубокого космоса, должен был выдать стандартный эхо-сигнал — ровную, предсказуемую математическую константу, подтверждающую незыблемость официальной Доктрины Предела.

Однако график на Пластине Ценза не был ровным. Матрица прибора калибровки работала под неестественно высоким давлением массы, словно станцию «Вектор-Магма-9» медленно, но целенаправленно выдавливало из занимаемой ею координатной сетки.

— Фиксирую отклонение в частотном отклике четвертого сонарного эшелона, — произнес инженер. Его сухой, лишенный эмоций голос прозвучал монотонно, как щелчок ис-

полнительного реле. — Вектор сопротивления среды на периферии тридцать первого сектора смещен внутрь. Давление массы на внешние бесшовные панели волновода увеличилось на четыре целых и две десятых единицы по шкале Консорциума.

Второй аналитик, не прерывая извлечения изотопного фильтра, на секунду замер. Его атлетическое тело, анатомически устойчивое к любым гравитационным перегрузкам, рефлекторно напряглось. Ксо-Лан не знали страха, но их прагматичный разум мгновенно вычислял логические противоречия между официальными догматами и физической реальностью. Согласно Доктрине Предела, Стена Бога была статичным математическим краем материальной вселенной. У нее не могло быть динамики, она не могла генерировать дополнительное давление массы или изменять координаты своего расположения.

— Проверь калибровку латунных приводов, — отозвался второй инженер, сбрасывая отработанный изотопный конденсат в бесшовный композитный контейнер. — Возможно, это остаточное эхо от работы квантовых верфей метрополии. Выкачивание низких частот на луне Ксо-Ларисы могло вызвать локальный резонанс в слоистом шпате обшивки.

— Исключено, — первый аналитик провел ладонью над Пластиной Ценза, углубляя ценз входящей телеметрии и выводя на экран скрытые слои данных, которые не отображались в стандартных отчетах для Консорциума Массы. —

Фильтры очищены от изотопного шума. Это не резонанс и не погрешность измерительных приборов старого поколения. Волновод фиксирует физическое изменение геометрии самого пространства. Оболочка системы Эмиссия-Н больше не находится на расчетной дистанции сорок астрономических единиц.

Он сместил фокус трехмерной симуляции, и патиновая подсветка прибора выхватила из темноты отсека две рваные, колеблющиеся линии, которые стремительно сближались, ломая всю вековую архитектуру навигационных коридоров Авангарда.

— Смещение векторов подтверждено, — первый аналитик зафиксировал Пластину Ценза на матовой консоли. Его металлический голос стал еще суше, словно он зачитывал параметры весового брака изотопной руды. — Оболочка системы Эмиссия-Н сделала шаг внутрь кокона. Физическое расстояние от центрального светила до Стены Бога сократилось на ноль целых и четыре десятых астрономические единицы.

Второй инженер медленно опустил бесшовный композитный контейнер на пол отсека. Тяжелый сплав глухо звякнул о титановое основание станции. Ноль четыре десятых астрономические единицы — это расстояние, способное целиком поглотить внешние навигационные маркеры двух дальних исследовательских эшелонов. Пространство вакуума, которое Консорциум Массы веками декларировал как незыбле-

мое, статичное и вечное, просто исчезло, сжалось, словно рефлекторно затвердевающий под давлением холода изотопный конденсат.

Официальная «стабильность» Доктрины Предела, транслируемая Башней Веса на все обитаемые планеты, оказалась математической ложью, призванной скрыть начало необратимой Коагуляции среды.

— Если Оболочка продолжает движение с такой амплитудой, — произнес второй аналитик, вглядываясь в блекло-лиловое неоновое свечение, соткавшееся на дисплее прибора калибровки, — то через триста циклов автоматизированная станция «Вектор-Магма-9» окажется заблокирована плотными слоями Метвого Спектра. Оболочка просто сомнет этот спутник вместе с базальтовым хребтом.

— Нам запрещено вносить эти цифры в глобальные инфо-сети, — первый инженер извлек кремниевый накопитель из разъема Платины Ценза и спрятал его во внутренний скрытый паз своего облегающего комбинезона пилота. — Системы безопасности Консорциума отсекут передачу на уровне квантовых ретрансляторов метрополии, а ценз нашей касты будет обнулен за распространение недопустимых погрешностей.

— Куда ты намерен доставить эти расчеты? — спросил второй Ксо-Лан, возвращаясь к замене изотопных фильтров с привычной, экономной прагматичностью движений. Разговор о гибели их мира не вызвал у них паники или дрожи в

мышечных волокнах; их анатомическая природа знала лишь алгоритмы действия перед лицом препятствий.

— В недра Ксо-Ларисы. В тринадцатый сектор «Литейной-12», — первый аналитик застегнул бесшовный воротник фотонного комбинезона. — Там исследователи старых институтов собирают архивные волноводы с погибшего «Вектора-Ноль». Они сводят Уравнение Вины цивилизации. И наши ноль четыре единицы — это последний коэффициент, которого им не хватало для завершения модели.

Патиновая подсветка технического отсека станции мониторинга «Вектор-Магма-9» вернулась к своему исходному, тусклому ритму пульсации. Инженеры бесстрастно завершили регламентные работы, заперев латунные приводы сонаров. Сцена подпольного ценза была окончена. Первый физический шрам на теле вселенной Ксо-Лан был зафиксирован и оцифрован, запустив цепочку событий, которые Консорциум Массы уже не сможет контролировать.

Сцена 2: Квантовый Диспут.

Выведенный из эксплуатации плавильный док «Литейная-12» залегал на глубине тридцати уровней под тектоническим основанием столицы Ксо-Ларисы. В эту слепую эпоху, когда Консорциум Массы перенес основные мощности на парящие орбитальные кольца верфей, старые подземные заводы превратились в безмолвные памятники ранней индустриализации. Стены циклопического зала были отлиты из матового костяного композита — архаичного материала,

который за века впитал в себя тонны изотопных испарений и потемнел, приобретя оттенок выжженного базальта. Пространство подавляло своими масштабами: под потолком, лишенные энергии, замерли гигантские поршневые системы и латунные турбины, их подвижные узлы были упрятаны в бесшовные титановые кожухи, надежно защищающие механизмы от оседания пыли.

В центре этого заброшенного дока, где когда-то плавили слоистый глубинный шпат для первых космических кораблей Авангарда, теперь горели тонкие, контрастные аквамариновые линии. Это были жилы спектральной энергии, протянутые от нескольких автономных генераторов массы, принесенных исследователями-диссидентами. Лазурный неон не мог рассеять вековой мрак «Литейной-12», но он четко очерчивал угловато-обтекаемую геометрию временной калибровочной платформы, бросая плотные, осязаемые пласты теней на костяной композит стен. Здесь не было внешних швов, болтов или заклепок — даже собранная в глубоком подполье аппаратура следовала жесткой философии скрытой инженерии.

Семь инженеров и аналитиков старых институтов, представлявших касту опальных исследователей, замерли вокруг платформы. На них были стандартные облегающие комбинезоны пилотов из фотонного волокна, но контуры их терморегуляции были принудительно переведены на минимальную мощность, чтобы снизить тепловой след группы и из-

бежать обнаружения автоматикой Башни Веса. Их атлетические фигуры с матовой кожей грифельного оттенка казались неподвижными элементами базальтового рельефа.

Входной шлюз дока беззвучно разошелся по скрытым пазам, и внутрь скользнул аналитик со станции «Вектор-Магма-9». Двигаясь с экономной, прагматичной быстротой, он подошел к платформе, извлек из скрытого кармана комбинезона кремниевый накопитель и опустил его в приемное гнездо центрального прибора.

— Координатная сетка «Край-9» обнулена, — произнес прибывший инженер, и его сухой, металлический голос эхом отразился от монолитных сводов литейной. — Сонарные волноводы дальней станции зафиксировали физический сдвиг Оболочки внутрь системы. Стена Бога поглотила тридцать второй внешний сектор. Мы потеряли ноль целых и четыре десятых астрономические единицы вакуума.

Слова инженера упали в холодную пустоту дока, словно тяжелые латунные слитки. Ни один мускул не дрогнул на матовых лицах исследователей, но ритм пульсации аквамариновых линий на их Пластинах Цензa мгновенно изменился. Аналитики Консорциума привыкли оперировать точными величинами, и потеря четырех десятых астрономических единиц была для них не абстрактной угрозой, а физически доказанным фактом уменьшения объема их жизненного пространства.

Старший аналитик группы — бывший проектировщик

Сонарных Монументов, чей комбинезон пилота сохранил глубокие патиновые маркеры высшей инженерной касты, — шагнул к платформе. Его экономное, прагматичное движение синхронизировало работу всех принесенных кремниевых накопителей.

— Объединить каналы, — отрывисто скомандовал он. Его сухой, металлический голос разнесся под сводами «Литейной-12». — Запустить сквозную навигационную симуляцию Низкочастотного Сектора по координатной сетке от ядра до тридцать первого эшелона. Ввести новые данные с волновода «Вектор-Магма-9».

Над матовой поверхностью платформы соткалось колоссальное трехмерное поле. Лазурные неоновые контуры вычертили четыре индустриальные планеты системы Эмиссия-Н. Вокруг них, словно раскаленные кольца, бешено вращались графики выработки автоматизированных верфей. Ученые не просто сопоставляли цифры — они сводили воедино Уравнение Вины всей своей цивилизации. Ломая строжайшие государственные табу Доктрины Предела, они вывели на экран математическую зависимость, которую Консорциум Массы годами пытался стереть из памяти расы.

На голограмме объемы низкочастотной энергии, выкачиваемой квантовыми насосами из ядер планет, были обозначены тяжелыми, патиновыми векторами давления. Чем ярче пульсировали эти жилы в центре системы, тем быстрее блекло-лиловое кольцо Оболочки сжималось на окраинах. Пря-

мая, неумолимая математическая связь: колоссальный промышленный прогресс Авангарда Ксо-Лан работал как триггер старения их собственного частотного кокона. Каждая новая выкованная грузовая баржа, каждый запущенный орбитальный док заставляли Стену Бога рефлекторно густеть, твердеть и неотвратимо делать шаг вперед, сжимая физическое пространство.

— Парадокс коагуляции доказан, — монотонно произнес старший аналитик, глядя на Пластину Ценза, где кривая сжатия пространства уходила по экспоненте вверх. — Пространство вакуума — это не пустая среда. Это инерционная ткань. Выкачивая низкие частоты для питания наших мегасооружений, мы нарушаем волновой баланс Оболочки. Мы сами являемся источником замерзания нашего космоса. Система Эмиссия-Н превращается в вязкую хрустальную ловушку из-за наших собственных действий.

— Выведи временной коэффициент до критической точки наслоения, — старший аналитик зафиксировал Пластину Ценза на краю платформы, заблокировав бесшовный стык устройства.

Оператор, чья матовая кожа казалась совершенно серой в лазурном свете голограммы, ввел финальные переменные в симуляцию. Строгие аквамариновые линии на экране дрогнули. Система очистила расчетное поле от изотопного шума, и над костяным композитом пола соткались финальные цифры. Жесткая математика Авангарда выдала приговор циви-

лизации без единого шанса на погрешность.

— Триста сорок циклов до полной остановки внутренних орбитальных доков, — сухо доложил оператор. Его металлический голос прозвучал ровно, словно он зачитывал ведомость расхода изотопного топлива. — Коагуляция зажмет систему Эмиссия-Н в частотные тиски. Плотность вакуума между планетами возрастет до критического предела, исключающего использование стандартных квантовых приводов. Наши стремительные корабли спортивного дизайна просто завязнут в густеющей среде, как в застывающем хрустале.

— Значит, Доктрина Предела — это не просто ошибка. Это управляемое самоубийство, — произнес инженер, прибывший со станции «Вектор-Магма-9». Он стоял, скрестив руки на груди, его атлетическое тело оставалось неподвижным. — Консорциум Массы консервирует науку на пике выработки, чтобы не останавливать квантовые верфи луны Ксо-Ларисы. Они выжимают низкие частоты из ядер миров, зная, что Стена Бога идет на штурм.

— Им нужны эти мощности для удержания стабильности сословий здесь и сейчас, — старший аналитик провел ладонью над платформой, сворачивая глобальную карту системы. — Прагматика чиновников слепа к будущему, если оно ломает текущие графики прибыли. Но наши расчеты безальтернативны. Цивилизация Ксо-Лан не сможет выжить внутри замерзающего кокона. У нас нет трехсот сорока циклов.

Мы должны действовать до того, как плотность Оболочки сделает движение кораблей невозможным.

Он извлек из калибровочного гнезда главную Пластину Ценза, на которой теперь была зафиксирована завершенная математическая модель Гравитационного тупика.

— Нам бесполезно строить новые легкие разведчики. Среду нельзя обмануть скрытностью обшивки из шпата. Чтобы вырваться из этой ловушки, цивилизации нужен инструмент принципиально нового класса. Тяжелое судно-пресс, способное генерировать перед собой направленный гравитационный фронт колоссальной сверхмассы. Корабль, который не будет искать бреши, а буквально сомнет и продавит густеющий Омега-Спектр перед своим бесшовным носовым обтекателем.

В этот момент аквамариновые неоновые линии на стенах «Литейной-12» резко погасли. Глубокий, вековой мрак заброшенного плавильного дока мгновенно поглотил исследователей. Автономные генераторы массы выдали короткий, панический сигнал тревоги: внешние шлюзы уровня были принудительно заблокированы центральной системой безопасности Башни Веса. Служба безопасности Консорциума вышла на их след. Сцена квантового диспута была окончена, столкнув ученых лицом к лицу с карающей десницей государства Ксо-Лан.

Сцена 3: Внимание Консорциума.

Темнота заброшенного плавильного дока «Литейная-12»

не оставалась мертвой долго. Спустя несколько секунд массивные герметичные створки шлюза, врезанные в костяной композит стен, беззвучно разошлись по скрытым внутренним пазам. В проеме, очерченном холодным светом внешнего коридора, возникли силуэты оперативников Службы безопасности Консорциума Массы. Они двигались единой, идеально скоординированной цепью, демонстрируя безупречную атлетическую выправку, свойственную высшим исполнительным сословиям Авангарда.

На оперативниках были средние экзо-костюмы, воплощавшие в себе жесткую философию квантового хай-тека. Гладкая броня из прессованного матового титана полностью скрывала очертания тел, не имея ни единого внешнего шва, заклепки или соединительного болта. Поверхность доспехов была пронизана строгими, тонкими линиями аквамариновых контурных огней, которые прорезали мрак литейной и выхватывали из темноты угловато-обтекаемые силуэты штурмового снаряжения. Матовые шлемы, лишенные смотровых щелей, работали на кремниевых матрицах внутреннего ценза, проецируя тактическую обстановку зала прямо на сетчатку пилотов. В руках они удерживали короткие импульсные излучатели массы, чьи латунные инжекторы холодно поблескивали в лазурном неоновом свете собственных прицелов.

Группа исследователей-диссидентов оказалась мгновенно отрезана от навигационных выходов. Красные аварийные

маркеры на их Пластинах Ценза погасли, сменившись кодами полной блокировки частоты. Но среди ученых не возникло и намека на панику. Анатомическая природа Ксо-Лан, лишенная эмоционального шума, заставляла их оценивать критическую ситуацию исключительно через сухие алгоритмы тактической целесообразности. Они стояли неподвижно, скрестив руки на груди, их матовая кожа грифельного оттенка казалась совершенно серой под прицелами излучателей. Подпольные инженеры понимали: любое хаотичное движение в сторону оперативников приведет к немедленному гравитационному удару, который сомнет их плотные кости вопреки эволюционной выносливости.

Лидер отряда безопасности сделал три экономных шага вперед. Аквамариновые линии на его экзо-костюме вспыхнули чуть ярче, обозначая статус командира ценза. Монолитная лицевая панель его шлема осталась бесстрастной, но когда он заговорил, его металлический голос, пропущенный через фильтры маски, прозвучал ровно и сухо, словно сработало реле давления.

— Ваша автономная сеть заблокирована на уровне центрального коммутатора Башни Веса, — произнес командир. — Вы нарушили Доктрину Предела, введя недопустимую математическую погрешность в глобальный координатный ценз системы. Консорциум Массы требует немедленной сдачи всех кремниевых накопителей и Пластин Ценза с расчетами. Ваша каста обслуживания подлежит принудительной

изоляции до полного перерасчета ваших личных индексов выработки.

Старший аналитик группы не шелохнулся. Его атлетический силуэт, затянутый в комбинезон с потушенными контурами терморегуляции, оставался безупречно прямым. Единственным его движением был плавный, выверенный жест руки, поднимающей Пластину Ценза над матовой поверхностью калибровочной платформы. Прибор ожил в его ладони, выбросив вверх тонкий, контрастный блекло-лиловый луч симуляции. Кривая Спектральной Коагуляции, рассчитанная до последнего знака после запятой, замерла в воздухе между учеными и направленными на них латунными инжекторами импульсных излучателей.

— Изоляция нашей группы не изменит плотность Оболочки в тридцать втором секторе, — сухо произнес старший аналитик. В его металлическом голосе, эхом разнесшемся под мрачными сводами из костяного композита, сквозила холодная, непреклонная логика. — Наш ценз чист. Данные, зафиксированные сонарным волноводом дальней станции «Вектор-Магма-9», не являются погрешностью. Стена Бога сделала физический шаг внутрь системы. Мы потеряли сорок сотых астрономической единицы вакуума.

Командир отряда безопасности не опустил оружия. Его матовый титановый шлем оставался бесстрастным, но аквамариновые линии на экзо-костюме едва заметно изменили частоту пульсации, подстраиваясь под входящий поток дан-

ных. Внутренние кремниевые матрицы его доспеха мгновенно считали проецируемый график, распознавая в нем жесткие фундаментальные формулы, а не хаотичный изотопный шум.

— Эти расчеты подрывают стабильность выработки квантовых верфей луны Ксо-Ларисы, — отрывисто чеканил слова оперативник, и его отфильтрованный маской голос прозвучал как сухой отчет датчика перегрузок. — Доктрина Предела — единственный гарант сохранения индустриального баланса Консорциума Массы. Моя задача — устранить источник математического искажения. Физика системы декларирована как статичная.

— Физика системы замерзает, — аналитик сделал короткий шаг вперед, приближая Пластину Ценза к монолитному нагруднику командира, где под бесшовными панелями скрывались узлы распределения массы. — И этот процесс лавинообразен. Ваша броня, ваши излучатели и автоматизированные доки Башни Веса функционируют на тех же низких частотах Спектра, которые Консорциум безжалостно выкачивает из планетных ядер. Через триста сорок циклов плотность среды между мирами возрастет настолько, что сервоприводы ваших средних экзо-костюмов просто заклинит. Государственная машина Ксо-Лан пытается скрыть объективный Рок, который сомнется вместе с самой Башней Веса. Мы не диссиденты. Мы — инженеры, которые зафиксировали критический износ нашего частотного кокона.

Остальные оперативники отряда оставались неподвижными, но лазерные маркеры их прицелов на матовых телах ученых больше не колебались. Раса, воспитанная на абсолютном авторитете цифр, столкнулась с ситуацией, где карательный приказ Консорциума вступал в прямое, неразрешимое противоречие с безупречным математическим доказательством их собственной гибели.

Взгляд командира отряда был скрыт за монолитной титановой лицевой панелью, но ритм его вычислений отражался в калибровке силовых контуров экзо-костюма. Аквамариновый неон на его наплечниках на секунду сменился глубоким патиновым тоном — доспех фиксировал пиковое напряжение внутренних систем. Внутренние кремниевые процессоры шлема завершили параллельный ценз Уравнения Вины. Цифры сошлись. Погрешность отсутствовала. Объективный Рок вселенной, представленный на Пластине Ценза аналитика, был математически безупречен. Продолжать слепое подавление в таких условиях означало нарушить главный закон Авангарда — закон прагматичной тактической целесообразности.

— Целостность расы Ксо-Лан выше неизменности государственных доктрин, — сухо произнес командир. Его отфильтрованный маской голос потерял прежнюю монотонную жесткость, став плотным и весомым. — Если космос замерзает, Башня Веса должна изменить вектор выработки. Консорциум должен узнать цену своего прогресса до того,

как сервоприводы верфей будут заблокированы Коагуляцией.

Он экономным, резким движением опустил импульсный излучатель массы, направив латунный инжектор в костяной композит пола. В ту же секунду лазерные маркеры прицелов на телах ученых синхронно погасли. Оперативники отряда безопасности перестроились, образовав вокруг исследователей замкнутый, бесшовный оборонительный контур.

— Ваша группа обслуживания и аналитиков объявляется принудительно изъятой из глобального ценза сословий, — командир шагнул к старшему аналитику и забрал из его ладони кремниевый накопитель с расчетами Гравитационного тупика. — Официальный отчет Башни Веса зафиксирует вашу ликвидацию в ходе изотопного взрыва на уровне тридцать. Фактически вы переводитесь в закрытый сектор калибровки Особого Проектирования Консорциума.

Он зафиксировал конфискованную Пластину Ценза во внутреннем скрытом пазу своего нагрудника.

— Если легкие стелс-корабли из шпата больше не способны пробить уплотняющуюся Оболочку, мы должны немедленно предоставить эти выкладки Высшему Совету. Нам не нужны мученики. Нам нужны инженеры, способные рассчитать геометрию Тяжелого Скаута-Пресса. Ковка инструмента Исхода начнется в глубоком подполье, пока квантовые верфи луны Ксо-Ларисы не выкачали последние низкие частоты из ядер наших миров. Либо мы создадим этот «Ска-

ут-Вектор» и продавим Стену Бога гравитационным фронтом сверхмассы, либо эта литейная станет нашей общей хрустальной могилой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.